

Николай Добролюбов

**«Собеседник любителей
русского слова»**

Николай Добролюбов

**«Собеседник любителей
русского слова»**

«Public Domain»

1856

Добролюбов Н. А.

«Собеседник любителей русского слова» /
Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1856

Статья написана на материале несохранившейся студенческой работы Добролюбова, выполненной на третьем курсе Главного педагогического института. Послужила поводом для знакомства с Н.Г. Чернышевским и положила начало постоянному сотрудничеству Добролюбова в «Современнике». С этой статьей Добролюбов вошел в русскую литературу и заявил себя в ней как крупная самостоятельная величина. Большой общественный резонанс статьи, посвященной такой «академической» теме, как журнал XVIII в., объясняется тем, что Добролюбов сумел придать ей серьезный современный интерес, не выходя при этом за рамки материала. Рассматривая содержание журнала, критик большое внимание, уделяет произведениям Екатерины II. Он показывает, что сотрудничество императрицы в «Собеседнике» было подчинено задаче формирования общественного сознания в нужном для нее направлении.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	12
Комментарии	

Николай Александрович Добролюбов

«Собеседник любителей русского слова»

Издание княгини Дашиковой и Екатерины II, 1783–1784

После отвлеченных философских рассуждений, которыми отличалась наша критика в сороковых годах^[1], наступило время обращения к фактам истории литературы. Любопытно наблюдать этот крутой поворот направления – один из тех, которых так много представляет история нашей словесности. За пятнадцать – двадцать лет пред этим ко всему хотели прилагать эстетические и философские начала, во всем искали внутреннего смысла, всякий предмет оценивали по тому значению, какое имеет он в общей системе знаний или между явлениями действительной жизни. Тогда господствовали высшие взгляды, тогда старались уловить дух, характер, направление, оставляя в стороне мелкие подробности, не выставляя напоказ всех данных, а выбирая из них только наиболее характерные. Тогда критика обыкновенно рисовала нам прежде всего фасад здания, потом представляла нам его план, говорила о материалах, из которых оно построено, рассказывала о внутреннем убранстве и затем анализировала впечатление, которое производит это здание.

Ныне это делается не так^[61]. Прежде всего нам показывают отдельно каждый кирпич, каждое бревно, каждый гвоздик, употребленный при постройке дома, рассказывая подробно, где каждый из них куплен, откуда привезен, где лежал до того времени, как занял свое настоящее место. Затем занимаются исследованием, насколько, кем и как обрублен и обсечен сырой материал, приготовленный для стройки. Наконец представляют смету, сколько эти материалы стоили во время самой постройки и сколько они теперь стоят. Теперь дорожат каждым малейшим фактом биографии и даже библиографии. Где первоначально были помещены такие-то стихи, какие в них были опечатки, как они изменены при последних изданиях, кому принадлежит подпись А или В в таком-то журнале или альманахе, в каком доме бывал известный писатель, с кем он встречался, какой табак курил, какие носил сапоги, какие книги переводил по заказу книгопродавцев, на котором году написал первое стихотворение – вот важнейшие задачи современной критики, вот любимые предметы ее исследований, споров, соображений. Верх ее искусства, апогей ее благотворности – если она захочет и сумеет показать значение произведений того или другого писателя для его времени и потерю этого значения в наше время. Но часто и этого не видим мы в современной критике. Она занимается фактами, она собирает факты, – а что ей за дело до выводов! Выводы делайте сами: при помощи современной критики это очень легко. Она вам указывает, где помещено то-то и то-то: возьмите и прочитайте! Если хотите сличений, и здесь вам критика поможет. Она представляет вам весьма подробно все перемены, какие сделаны в этом произведении при различных его редакциях. Мало того: она расскажет вам, где и в каких обстоятельствах писано такое-то произведение, она откроет вам где-нибудь надпись: село такое-то, месяц такой-то, или обстоятельно, посредством множества хитрых соображений, докажет, что это стихотворение, вероятно, писано было уже после того времени, как автор переехал с Мойки в Галерную улицу, но еще прежде, нежели он купил собственный дом. Результаты поистине блистательные! Можно надеяться, что далеко уйдет с ними молодое поколение. Много эта критика сообщит ему живых воззрений, много породит отрадных, прекрасных явлений в области умственной жизни, много подействует на развитие

¹ Разумею здесь большинство случаев, из которых с прошедшего года начали появляться приятные исключения^[61].

^[61] Вероятно, имеется в виду начало критической деятельности К. Г. Чернышевского, в частности, появление «Очерков гоголевского периода русской литературы», печатавшихся в «Современнике» с декабря 1855 г.

общества! Имея своими высшими, совершеннейшими идеалами – Сопикова и Анастасевича, бойко и твердо пойдут наши гениальные, но тем не менее трудолюбивые ученые по дорожке, проторенной этими бессмертными основателями русской библиографии... Наполняя литературу указателями, помещая в журналах указатели, основывая свою ученую славу на составлении указателей, они смело будут говорить всей России: вот где истинное ученое достоинство, – вот где основательные, дельные труды, заслуживающие бессмертия в потомстве! Это не то, что какие-нибудь философские умствования, эстетические соображения, исторические, литературные и всевозможные общие взгляды, которые может бросать всякий мальчик со школьной скамьи, для которых следует только подумать несколько часов, а не нужно проводить месяцы и годы в переборке, сличении, переписывании и выписках из десятков и сотен книг.

Так думают и говорят представители фактического, или, лучше, библиографического, направления критики. Так еще долго будут говорить они, и, нельзя не сознаться, в словах их есть частица правды. В самом деле, их занятия трудны и почтенны, и если достоинство каждого дела мерять его трудностью, то едва ли в области умственной найдется труд более достойный. Это несчастные носильщики, перетаскивающие камни к месту стройки; это жалкие рудокопы, копающие землю, чтобы отыскать в ее горах зернышко золота. Они полезны, они необходимы, они даже достойны уважения; но позвольте мне все-таки более уважать архитектора, распоряжающегося стройкой, геолога, указывающего руду. Их дело, может быть, требует менее постоянного, тяжкого, изнурительного труда; но я знаю, что они-то именно и придают значение трудам каменщиков и рудокопов, что от них-то мир может ожидать открытий и планов, на исполнение которых всегда найдется довольно людей. Уважаю я труд библиографа, знаю, что и для него нужно некоторое приготовление, предварительные знания, как для почтальона нужно знание городских улиц; но позвольте же мне более уважать критика, который дает нам верную, полную, всестороннюю оценку писателя или произведения, который произносит новое слово в науке или искусстве, который распространяет в обществе светлый взгляд, истинные, благородные убеждения. От этого критика я не узнаю, может быть, даже названий всех произведений писателя и тем менее то, где они были помещены и где писаны, но зато мне будет открыт характер писателя, я буду ясно и верно понимать лучшие его произведения, горячо сочувствовать всему прекрасному, что в них заключается... И долго будет в обществе отзываться звучный, ясный голос этого критика, долго будет чувствовать народ благотворное влияние его убеждений, его горячей, смелой, душевной проповеди. Конечно, это направление тоже может быть доведено до крайностей: можно набросать громких фраз, не имея никакого собственного убеждения. Но даже и это не совершенно бесполезно: по крайней мере подобная статья заставит читателя подумать... Библиографические же труды могут только составить чисто пассивное упражнение памяти. Их, конечно, можно ставить себе в заслугу и успокаиваться на них, точно так, как некоторые ученые, покоящиеся на лаврах, ставят себе в заслугу то, что читают корректуры нового издания своих сочинений. Но нельзя не заметить, что для подобного дела существуют корректоры, работающие без всяких претензий на гениальность.

Странным может показаться такое вступление в сочинение, само имеющее предметом один из частных фактов нашей литературы. Но оно было необходимо для того, чтобы показать, в чем я полагаю задачу своего труда, как я смотрю на дело, за которое взялся, и чего читатель может ожидать от этого обозрения. Высказав теперь свои общие положения о трудах подобного рода, я уже смелее могу говорить о своем собственном труде, смелее могу предупредить, что это не будет библиографический указатель и тем менее сводный список разных статей, помещенных в «Собеседнике» и потом перепечатанных в разных изданиях. Пусть библиографы с презрением отвернутся от моего труда; пусть люди, ищущие все только фактов, голых, сырых фактов, – пусть они обвиняют меня в недостатке научного, мозольного исследования, в пристрастии к общим взглядам, – пусть мой труд покажется им неосновательным, пустым, легким. Я не боюсь этого обвинения и надеюсь найти защиту перед читателями именно в легкости

моего обозрения. Я всеми силами старался скрыть черную работу, которая положена в основание здания, снять все леса, по которым лазил я во время стройки, потому что почитаю их совершенно излишними украшениями. Я старался представить выводы, результаты, итоги, а не частные счеты, не множители и делители. Может быть, от этого труд мой потеряет *научное* достоинство, но зато его можно будет читать, а я хочу лучше служить для чтения, нежели для справок. Впрочем, чтобы неверующие не вздумали усомниться во всех моих выводах, я решаюсь дать им *примечания*. Эти примечания довольно обширны, и потому я отношу их к концу сочинения, под особым названием: *Библиографические заметки*. Здесь будет списано отчасти и оглавление «Собеседника», и представлен счет страниц его, и показаны опечатки, и высказаны «требовавшие обширной эрудиции» соображения о том, кого скрывала такая-то подпись из начальных букв и кому могло бы принадлежать такое-то четверостишие без подписи, – словом, все то, что так постоянно оставалось неразрезанным в наших журналах последних годов. В самом же сочинении читатель найдет только готовые выводы и самые необходимые соображения касательно важнейших вещей. Это дает мне более свободы в моем изложении, позволит подробнее и вернее проследить дух и направление журнала, оставит более простора соображениям критическим и собственно литературным.

Предмет моего исследования даст много поводов для подобных соображений. Это не какая-нибудь «Поденьщина», «Мешенина» или «Пустомеля»^[2], которые действительно могут довольствоваться и просто библиографическим описанием. «Собеседник любителей русского слова» должен занять видное место в истории русской литературы и в особенности журналистики. Он может дать много важных фактов для изучающего состояние русского общества и литературы в конце прошлого столетия. Можно сказать, что в продолжение двух лет своего издания он совмещал в себе почти всю литературную деятельность русских писателей того времени. Жизнь общества тогдашнего отражалась в нем более, нежели в каком-либо из других изданий, и причину этого, конечно, должны мы искать в самых условиях существования «Собеседника». У нас вообще журнальная литература всегда пользовалась наибольшим успехом и получила наибольшее развитие – потому ли, что русские авторы никогда не хотели или не умели сами хлопотать о продаже и об издании своих сочинений, или потому, что чтение мелких, легких статей приходилось более по вкусу образуемого общества, нежели чтение сочинений обширных и серьезных. Да, впрочем, подобных сочинений у нас никогда и не являлось слишком много. Как бы то ни было, журналы различных форматов, с различным направлением и содержанием, различными сроками выхода развелись у нас во множестве уже в 70-х годах прошлого столетия. Естественно, что они должны были следить за современностью, угадывать потребности общества, если хотели иметь успех. И действительно, пересматривая ряд этих изданий, мы находим общее старание следить за общественной жизнью и овладевать вниманием публики, представляя посильное изображение того, что особенно ее занимало или могло занимать в данное время. Отсюда объясняется раннее появление у нас нравоописательных изданий. При этом нельзя забыть и того особенного направления, которое всегда проглядывало в этих изображениях нравов, – направления сатирического. Молодое, развивающееся общество русское чувствовало, конечно, само свое несовершенство, видело, что ему еще многое нужно у себя исправить и переделать. Но не в его воле было вдруг отрешиться от всех своих недостатков, имевших большею частию историческое происхождение, проникнувших весь характер народа и нередко связанных с самым общественным его устройством. Для этого нужно было время, приготовление; нужно было, чтобы появилось сначала сознание недостатков, чувство необходимости их исправления; сначала должно было теоретически овладеть умами, чтобы потом практически выразиться в жизни. Сатира явилась в этом случае могучим деятелем, как и всегда является она в обществе. Это общество, столько перенесшее и выстрадавшее, так часто останавливаемое враждебными обстоятельствами в естественном ходе своего развития, так стесняемое в самых чистых и высоких своих стремлениях, связанное во всем

по рукам и ногам вследствие совершенно неравномерного распределения в нем умственных и вещественных преимуществ, – это общество, не имея возможности действовать, искало отрады по крайней мере в слове – умном, смелом, благородном, выводившем на посмеяние все низкое и пошлое и выражавшем живое стремление к новому, лучшему, разумному порядку вещей. Никогда не замирало у нас это направление, и во всем, что есть лучшего в нашей словесности, от первых народных песен до произведений Гоголя и стихотворений Некрасова, видим мы эту иронию, то наивно-открытую, то лукаво-спокойную, то сдержанно-желчную. Она нашла себе представителей и в 70-х годах прошлого века. Число журналов, начавшихся «Всякою всячиною» (1769) и отличавшихся преимущественно сатирическим направлением, довольно велико. В этом же году появились: «И то и се», «Ни то ни се», «Поденьщина», «Полезное с приятным», «Смесь»^[3] и «Трутень». – В следующем году издавался «Парнасский щепетильник» Новикова, в 1771 году – «Трудолюбивый муравей» Рубана, в 1772 году – «Вечера» и «Живописец» Новикова^[4], имевший такой блестящий успех, что «Живописец» снова перепечатан был в следующем же году. С этого времени Новиков решительно овладел поприщем журналистики. В 1774 году издавал он «Кошелек»; в 1777–1780 годы – «Утренний свет»; в 1781 году – «Московское ежемесячное издание»; в 1782 году – «Вечернюю зарю», как продолжение «Утреннего света», и в 1784 году заключил все это «Покоящимся трудолюбцем». Не все новиковские издания отличаются одинаковым направлением, а потому не все имели одинаковый успех^[5]. В «Утреннем свете» является уже характер более философский, нежели сатирический, и только стихотворения да анекдоты все еще напоминают веселую сатиру. В «Вечерней заре» уже преобладают рассуждения – о посте, о бессмертии души, о суете сует, об истинном блаженстве, о совести, об откровении, о египетской морали и догматике и т. п. Самые стихотворения представляют большую частью переложение молитв, псалмов и душеспасительные размышления. То же самое находим в «Покоящемся трудолюбце», где в каждой книжке являются благочестивые размышления и духовные оды на любовь, на злобу, на смерть, на рождение вообще или чье-нибудь рождение в частности. Такое направление было очень почтенно и могло быть даже полезно в то время; но для этого нужно было немножко получше взяться за дело. Ввиду смелых и остроумных нападений величайших умов того времени нельзя уже было довольствоваться прежнею рутиною, обращениями к чувству, восклицательными знаками, изношенными сравнениями; нельзя уже было прятаться за авторитет египетских, китайских и других мудрецов. А этим-то именно и отличаются рассуждения новиковских журналов. Они чрезвычайно напоминают сочинения на заданные темы, какими упражняют обыкновенно воспитанников духовных семинарий. Это, впрочем, иначе и не могло быть, по самому составу сотрудников журнала, которые все почти были студенты Московского университета, как объявлял об этом Новиков на первых же листах каждого журнала. Большая часть имен остались совершенно неизвестными в литературе; в «Вечерней заре» можно только отметить Лабзина и Пельского, в «Покоящемся трудолюбце» – Подшивалова, Антонского и Сохацкого. Не удивительно, что эти классные упражнения мало встречали сочувствия в публике, которая, не обращая внимания на дидактические журналы Новикова, в это самое время жадно перечитывала во втором и третьем издании его «Живописца»^[6] и «Вечера».

Гораздо большим вниманием пользовался журнал, издававшийся с 1778 году Григорием Брайко (1)² (по свидетельству митрополита Евгения), – «СПб. вестник». Этот журнал, менее обнаруживавший наклонности к отвлеченным, бесплодным умствованиям, больше вникавший в жизнь и лучше ее понимавший, нежели остальная журнальная братия, скоро овладел общим вниманием и продолжался непрерывно в течение почти четырех лет – явление очень редкое в то время (2). В нем явилось несколько поэтических опытов Державина (см. об этом статью г. Грота в «Современнике», 1845, № 4). В нем участвовал Княжнин. Здесь же помещена была

² См. «Библиографические заметки» в конце статьи. – *Ред.*

знаменитая в свое время сатира Капниста (3). Вообще стихотворный отдел отличается скорее сатирическим, нежели дидактическим направлением. В прозаических статьях тоже рассматриваются предметы, более близкие к жизни, нежели отвлеченные. Есть несколько статей исторического и даже юридического содержания (4). Статья «О начале русского театра» может быть бесполезна и ныне. Кроме того, живейший интерес придаваем был журналу тем, что он постоянно следил за новостями политики и литературы. В его программе заключался отдел библиографии – довольно полной и дельной для своего времени – и, сверх того, отдел, в котором помещались распоряжения русского правительства и известия о важнейших политических событиях других стран. Все это придавало журналу небывалые до того живость и разнообразие и, конечно, много содействовало его успеху в публике. Причины его прекращения неизвестны. Но после «Ежемесячных сочинений»^[7] это было самое продолжительное издание в прошлом веке, и, уж конечно, прекратилось оно не по тем причинам, которые, например, заставили Туманского напечатать в 1786 году на последней странице своего «Зеркала света»^[8] следующие строки: «Сия часть оканчивает издание «Зеркала света» понеделно. Разные неудобства продолжение оно прерывают, а малое число подписателей, сей год бывших, а и того меньше на будущий явившихся, подтвердили давно известную о писателях, общую пользу предметом имеющих, истину». Журнал Туманского и «С.-Петербургский вестник» разнились так, как, например, «Сын отечества» и «Телеграф», и если первый прекратился *своею смертию*, то уничтожение последнего, всего вероятнее, нужно искать в обстоятельствах, теперь нам неизвестных^[9].

«Собеседник любителей русского слова» был прямым преемником и продолжателем «С.-Петербургского вестника», хотя без всякого предварительного соглашения, даже, вероятно, без всякого намерения, а совершенно случайно. Это продолжение видим мы не во внутренней жизни, не в существенных убеждениях и взглядах журнала: в этом сходство между «Собеседником» и «Вестником» разве немногим чем больше, как и между всеми другими журналами, которые все отличались более или менее полным отсутствием убеждения и более или менее яркою пестротой противоречивых понятий и взглядов. Нет, сходство это более внешнее, но тем не менее нельзя не заметить его. В «Собеседнике» участвовали почти все те же писатели, которые участвовали в «Вестнике»; из «Вестника» перепечатывал «Собеседник», особенно в первых частях своих, значительное количество статей, иногда сказывая об этом, а иногда и умалчивая (5). «Собеседник», как и «Вестник», защищал русский язык от вторжения ненужных иностранных слов, отличался любовью к историческим изысканиям, пытался рисовать современные нравы, представлять в легкой форме дельные научные истины; наконец, в нем, как и в «Вестнике», находим мы совершенное отсутствие стихотворных шарад и загадок, которыми наполнялись тогда все журналы, особенно новиковские. Только отделы критики и новостей были уничтожены здесь, потому вероятно, что «Собеседник» не назначал себе срочного времени для выхода, а выпускал свои книжки по мере накопления статей.

Из этого коротенького обзора журналов, предшествовавших «Собеседнику», и из нескольких слов об отношении его к «С.-Петербургскому вестнику» видно уже, что в этом журнале смело можно искать отражения современной жизни общества. Успех этого искания представится нам еще более несомненным, когда мы вспомним о том, кто были его издатели. Это были княгиня Дашкова и сама императрица Екатерина II. Здесь не могли, следовательно, иметь места никакие опасения, никакая малодушная робость пред сильными мира сего. Литературное слово обличения и наставления нисходило с высоты престола, оно было *со властью*, было сильно, свободно и открыто, не щадило порока и низости на самых высших ступенях общественных, не было стесняемо никакими посторонними обстоятельствами, которые в других случаях так часто накладывают *печатъ молчания на уста* писателя. С другой стороны, это не было издание официальное, которое бы по необходимости должно было ограничиться узкой программой отчетов, мертвых цифр и других, хотя красноречивых, но тем не менее несколько

не характеристических данных. Это было издание собственно литературное, полное жизни, пользовавшееся полным простором в выборе предметов и в способе их изображения. К этому нужно присоединить и то, что вся литературная деятельность Екатерины II имеет вид высокой правды и бескорыстия, которое не могло не действовать и на других писателей, действовавших в то время. Правда, по духу того времени императрица не могла не терпеть разных, слишком восторженных, гиперболических дифирамбов; поэт прекрасно сказал от ее имени:

Не запрещу я стихотворцам
Писать и чепуху и лесть^[10].

И в то время, может быть, даже более, чем во всякое другое, встречаем мы торжественных, льстивых од. Но это была дань своему веку, и, обеспечив себя подобным творением, каждый из писателей тем безбоязненнее и прямее мог изображать современное общество и подсмеиваться над его недостатками. Таков именно и есть характер «Собеседника», как покажет подробный разбор его.

Мы не будем здесь много распространяться об основании «Собеседника» Екатериною II: оно довольно общеизвестно, и известие о нем помещается даже в курсах литературы обыкновенно пред разбором «Фелицы» Державина (6). Трогательная история появления этой оды-сатиры, в самом деле, тесно связана с началом «Собеседника»: ода красуется на первых его страницах. В сущности, впрочем, это обстоятельство довольно маловажно для нашего дела, и потому, не останавливаясь на нем, ограничимся только необходимыми историческими данными.

«Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в стихах и прозе некоторых российских писателей» начался в 1783 году «по желанию Академии наук директора, ее сиятельства Е. Р. Дашковой», как сказано в предуведомлении к нему. Об участии императрицы Екатерины II ничего тогда не было сказано, и оно некоторое время оставалось тайною для многих, что доказывается смелыми вопросами Фонвизина, помещенными в третьей книжке^[11], и не совсем благосклонными критиками «Любословов»^[12], помещавшимися в самом же «Собеседнике» (7). Начался этот журнал с началом 1783 года: первая книжка его вышла мая 20-го, как видно из объявления «С.-Петербургских ведомостей» 1783 года, № 40. В этот первый год вышло девять книжек журнала; остальные семь вышли в следующем году. С шестнадцатою книжкою издание, по неизвестным нам причинам, прекратилось в сентябре 1784 года (8).

Издание это многие до сих пор относили к основанию Российской академии^[13] (Греч, Полевой и др.) (9). Но оно началось гораздо раньше, потому что указ об учреждении Российской академии состоялся только 30 октября 1783 года, а до этого времени издано уже было пять книжек «Собеседника»³. Вместе с этой ошибкой курсы нашей литературы повторяют другую, именно, будто бы в «Собеседнике» напечатана была речь, говоренная при учреждении Академии княгиней Дашковой: в «Собеседнике» этой речи нет (10)^[14]. Впрочем, не совпадая хронологически, «Собеседник» и учреждение Российской академии совпадают по мысли, произведшей их. В объявлении о «Собеседнике», которое вошло и в предуведомление к нему, сказано, что княгиня Дашкова «почитает нужным не только пещись, по долгу звания своего (как директор Академии наук), о приведении наук в России в цветущее состояние, но и стараться о доставлении публике хороших российских сочинений, чтобы тем подавать по мере сил своих способы сочинителям трудиться в стихотворстве и в прочих, до словесных наук и нравоучения касающихся, сочинениях. Польза, от сего происходящая, ощутительна, как в рассуждении русского слова, так и вообще в рассуждении просвещения». В конце первой

³ См. «Об учреждении Российской академии» в первом томе «Сочинений и переводов Российской академии», 1805 года.

книжки напечатано уведомление издателей, чтобы все, кому угодно, присылали в редакцию критики на статьи «Собеседника»: «ибо желание княгини Дашковой есть, чтобы российское слово вычищалось, процветало и сколько возможно служило к удовольствию и пользе всей публики, а критика, без сомнения, есть одно из наилучших средств к достижению сей цели»⁴. В речи при учреждении Российской академии княгиня Дашкова также говорит: «Учреждением Российской академии предоставлено усовершенствовать и возвеличить слово наше препрославленному веку Екатерины Вторыя... Многоразличные древности нашего отечества, обильные летописи, дражайшие памятники деяний праотцев наших представляют нам обширное поле... Звучные дела государей наших, знаменитые деяния предков наших, а наипаче славный век Екатерины II явит нам предметы к произведениям, достойным громкого нашего века. Сие, равномерно как и сочинение грамматики и словаря, да будет первым нашим упражнением». Из этих слов видно уже просвещенное стремление княгини Дашковой способствовать успехам родного слова; видно, что новый директор Академии наук с жаром и умением взялся за исполнение своих важных обязанностей. Назначенная директором Академии по непосредственному выбору императрицы Екатерины II, княгиня Дашкова долго отговаривалась, утверждая, что она неспособна к такой важной должности. Но императрица сказала, что люди, прежде того занимавшие эту должность, по способностям и качествам своим были ниже княгини, и настояла на своем выборе. Из собственных записок княгини (11) видно, с каким бескорыстием и чистым усердием принялась она за вверенное ей дело, с какой ревностной, напряженной деятельностью заботилась о процветании и возвышении русского просвещения и русского слова. С первого дня своего вступления в должность она хлопочет о приведении в порядок библиотеки, типографии академической, о выборе новых членов, о возобновлении журнала Академии, об увеличении экономических сумм, на которые умножает число учеников в академическом училище, прибавляет жалованья профессорам, вводит новые курсы, издает карты губерний Российской империи (12). Но и этих трудов было для нее не довольно: она хотела еще непосредственное действовать на распространение полезных знаний и добрых мыслей в обществе и для этой цели, через три месяца после своего назначения в должность директора Академии, задумала литературный журнал. Апреля 14-го 1783 года явилось в «С.-Петербургских ведомостях» первое объявление об издании «Собеседника». Мы не имеем никаких точных сведений о том, на какие суммы предпринято было это издание и кто первый возымел мысль о нем – Екатерина ли или сама княгиня Дашкова. В «Записках» ее сказано, что этот журнал «издавала Академия»⁵

⁴ «Соб.», ч. I, стр. 160.

⁵ См. «Совр.», 1845, № 1, стр. 29.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Добролюбов в своей характеристике русской критики 40-х гг. соединил черты двух разных периодов в ее развитии: 1830-х и 1840-х гг. Философский элемент был особенно силен в русской критике 1830-х гг., испытавшей в то время значительное влияние философско-эстетических идей Шеллинга (Д. В. Веневитинов, С. П. Шевырев, Н. И. Надеждин, И. В. Киреевский, В. Ф. Одоевский и др.), а затем Гегеля (М. А. Бакунин, В. П. Боткин, М. Н. Катков, молодой Белинский). В 1840-е гг. не в ущерб «эстетическим и философским началам» русская критика, прежде всего в творчестве Белинского, переживает плодотворный процесс сближения с общественной жизнью.

2.

«Поденщина, или Ежедневные издания» (1769, издатель и автор – В. В. Тузов), «Мешенина катоноскарроническая» (1773, издатель и автор – Кунц), «Пустомеля» (1770, издатель – Н. И. Новиков) – сатирические журналы.

3.

Журнал «Всякая всячина» (1769–1770) издавал Г. В. Козицкий под наблюдением Екатерины II, «И то и се» (1769) – М. Д. Чулков, «Ни то ни се» (1769) – В. Г. Рубан и С. Башилов, «Полезное с приятным» (1769) – И. Ф. Румянцев и И. А. де Тейльс, «Смесь» (1769) – Л. И. Сичкарев.

4.

Добролюбов ошибочно приписывает журнал «Вечера» (1772–1773) П. И. Новикову. Хотя журнал выходил анонимно, в литературе сложилось мнение, что он издавался М. М. Херасковым и кружком близких к нему литераторов (см.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М. – Л., 1952, с. 291),

5.

Среди журналов Н. И. Новикова наибольшей социальной остротой отличались журналы петербургского периода его жизни – особенно «Трутенъ» (1770) и «Живописец» (1772–1773). В московский период (с 1779 г.) в его журналистике преобладали религиозно-философские мотивы.

6.

Второе издание «Живописца» вышло в 1773 г., третье – в 1775. Третье издание, так же как четвертое (1781) и пятое (1793), представляло собой сборник избранных статей из «Живописца» и «Трутеня».

7.

Журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764) издавался Академией наук под редакцией Г. Ф. Миллера.

8.

Журнал «Зеркало света» (1786–1787) издавался Ф. О. Туманским совместно с И. Ф. Богдановичем (до мая 1786 г.).

9.

«Сын отечества» (см. примеч. 1 к статье (Письмо к Н. И. Гречу» закрылся за отсутствием подписчиков в 1852 г. «Телеграф» – «Московский телеграф» (1825–1834; издатель – Н. А. Полевой) – передовой журнал, закрытый за опубликование отрицательной рецензии на драму Н. В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Предположение Добролюбова, что причиной прекращения «Санкт-Петербургского вестника», как и «Московского телеграфа», были правительственные преследования, подкрепляется некоторыми косвенными данными (см.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 353–354).

10.

Неточная цитата из оды Г. Р. Державина «Изображение Фелицы» (1789).

11.

«Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание» Д. И. Фонвизина было опубликовано вместе с ответами на них автора «Былей и небылиц».

12.

Любослов – псевдоним, приписываемый разным лицам; по последним предположениям, он принадлежал епископу Дамаскину (Д. Семенову-Рудневу) – см. статью Н. Д. Кочетковой «Любослов – сотрудник «Собеседника любителей русского слова» в кн.: «XVIII век», сб. 5. М. – Л., 1962).

13.

Создание Российской академии параллельно с Академией наук было вызвано тем, что последняя имела главным образом естественнонаучное направление. В 1841 г. Российская академия вошла в Академию наук в качестве ее второго отделения.

14.

Речь Е. Р. Дашковой, «говоренная при открытии императорской Российской академии...», которую далее цитирует Добролюбов, была опубликована в «Московских ведомостях» (1783, № 87), а также в журнале «Друг просвещения» (1806, № 3). В извлечениях напечатана в кн.: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М., 1983, с. 82–83.

61.

Вероятно, имеется в виду начало критической деятельности К. Г. Чернышевского, в частности, появление «Очерков гоголевского периода русской литературы», печатавшихся в «Современнике» с декабря 1855 г.